

«Не вижу возможности дальше жить...»

Вокруг предсмертного письма Александра Фадеева

ПРЕДСМЕРТНОЕ письмо А. Фадеева опубликовано сравнительно недавно. Но вот что странно: обращаясь к Фадееву, современные литераторы игнорируют этот важный для понимания трагедии писателя документ и объясняют причины самоубийства в духе официального некролога.

А между тем последнее, отчаянное письмо Фадеева вызывает серьезные вопросы. Почему писатель, на протяжении всей своей сознательной жизни утверждавший «ведущую и руководящую роль» коммунистической партии, вдруг назвал партийное руководство «самоуверенно-невежественным» и обвинил его в гибели искусства и литературы? Откуда взялись такие немалые для того времени характеристики партийных верхов, как «бюрократы», «самые отсталые элементы народа», «люди неталантливые, мелкие, злопамятные»? И почему письмо, которое могло бы рассматриваться как одно из первых диссидентских выступлений, будь оно опубликовано в 50-е годы, почему оно было направлено непосредственно тем, кто обвинялся: в ЦК КПСС?

Фадеев был одним из самых заметных деятелей литературного движения 20—50-х годов. Он был и крупной личностью — талантливым, сложной, противоречивой. Политик и убежденный проводник политики партии, он, несмотря ни на что, оставался художником. Вовсе не склонный идеализировать Фадеева А. Борщаговский тем не менее считает, что он был «тонкий ценитель литературы, человек элитарного круга в искусстве, личность артистическая, писатель, знавший разницу между ремеслом и вдохновенным творчеством». В предсмертном письме Фадеев написал: «Не вижу возможности дальше жить, т. е. искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии...» Имеем ли мы право пройти мимо такого признания? Или таких фактов, как письмо к нему Анны Ахматовой, написанное в один из самых драматических моментов ее жизни?

«Дорогой Александр Александрович! Сейчас я узнала, что дело моего сына рассматривается в понедельник (12 марта). Трудно себе представить, какое это для меня потрясение.

Вы были так добры, так отзывчивы, как никто в эти страшные годы. Я умоляю Вас, если еще можно чем-нибудь помочь, сделайте это (позвоните, напишите).

Мне кажется, что я семь лет стою над открытой могилой, где хоронят мой, еще живой сын. Простите меня.

Ахматова.

Это письмо датировано 10 марта 1956 года. Но 2 марта Фадеев уже отправил ходатайство в Главную военную прокуратуру с просьбой ускорить рассмотрение дела Л. Н. Гумилева.

А современный литератор пишет о Фадееве: «Отдавая писателей на погибель, одного за другим, он на адовой этой службе и талант свой погубил, и душу продал дьяволу... я и сам наблюдал у него этот взгляд человека, который все человеческое оставил за чертой, переступил».

В конце 1940-х гг. Фадеев, казалось, прочно вошел в круг советско-партийной номенклатурной элиты: руководитель Союза писателей, член ЦК КПСС, деятель Всемирного Совета Мира. Фадееву именно как члену ЦК КПСС адресовано одно из самых горестных писем Зощенко:

«...Я осмеливаюсь просить ЦК — дать мне указание, как мне надлежит поступить в дальнейшем. Можно ли мне работать в литературе, и если можно, то в какой области литературы мне позволено иметь хотя бы минимальный заработок.

Если же мне работать в литературе не следует, то и в этом случае необходимо какое-либо указание, иначе меня не примут на работу, так как я исключен из членов профсоюза.

Я не стал бы тревожить ЦК своей просьбой, но положение крайнее, и я вынужден это сделать, тем более, что я искренно желаю быть полезным нашему времени. И я был бы весьма счастлив, если б мне указали, что я должен сделать».

В статье использованы документы из Российского государственного архива литературы и искусства и Российского центра хранения современной документации. Эти и другие материалы будут представлены в книге «Александр Фадеев. Новые материалы и исследования», готовящейся к изданию во Владивостоке.

Указывали, что он должен делать, не только Зощенко, но и Фадееву. Когда роман «Молодая гвардия» подвергся критике на страницах «Правды», Фадеев знал, чью волю выполняла газета: накануне с ним по этому поводу беседовал Сталин. Подчиняясь его указанию (или приказу), Фадеев взялся за переработку уже выстраданного, завершеного романа. Сопротивляться он не мог не по слабости характера (современники вспоминают и о его спорах со Сталиным), а по воле, в плоть и кровь дисциплинированности члена партии.

Фадеев много раз обращался к Сталину по разным вопросам. В 1951 году он написал ему большое письмо с просьбой об отпуске для завершения нового варианта «Молодой гвардии». Здесь впервые, хотя, может быть, еще не слишком громко, Фадеев сказал о вине партии и партийного руководства перед художником.

«Работники отделов ЦК, отделов Совета Министров, мои товарищи по работе не всегда понимают... глубокое противоречие и внутренние трудности при выполнении мною всякой работы в ущерб моему призванию, — писал Фадеев. — Они частично рассматривают меня как обычного руководителя обычного ведомства, привлекают к решению десятистепенных вопросов... В итоге я вот уже в течение 6 лет совершаю над собой недопустимое, противоестественное насилие, заставляя себя делать не то, что является самой лучшей и самой сильной стороной моей природы, призванием моей жизни».

Фадеев понимал, что в сутороке каждодневных мелких дел и забот его талант неизбежно иссякает, и переживал это мучительно. Может быть, поэтому он так упорно убеждал себя и других в том, что «Черная металлургия» — его лучший, «самонужнейший, архисовременный» роман. Но в предсмертном письме Фадеев признает, что его талант остался нереализованным: «...меня отвратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плелся под клядой бездарных, неправедных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел».

ПРОЛОГОМ к близкой трагической развязке стал для Фадеева 1953 год. Разумеется, потрясенным для него была смерть Сталина. Но, возможно, значительно более глубоким потрясением стало навязанное ему ЦК КПСС обсуждение романа В. Гроссмана «За правое дело», на котором он председательствовал и произнес гневную и неискреннюю речь. А Берзер точно определила выступление Фадеева как «тягостный, мучительный процесс отказа... от самого себя». Позже Фадеев признается Эренбургу: «Я попросту испугался, я думал, что начинается самое страшное». «Я проявил слабость», — скажет он на втором съезде писателей. И К. Чуковский: «Какой я подлец...».

Летом 1953 года был арестован Берия. Наше общество, как надеялись все, вступало в новый, свободный этап развития, начиналась «оттепель». В самом конце августа — первых числах сентября Фадеев послал в ЦК КПСС на имя Маленкова и Хрущева докладные записки. Названия этих записок говорят сами за себя: «О застарелых бюрократических извращениях в деле руководства советским искусством и литературой и способах исправления этих недостатков». «Об улучшении методов партийного, государственного и общественного руководства литературой и искусством». «Об одной вредной передовой «Правды», о тяжелом положении МХАТ и еще раз о передаче идейно-художественного руководства в руки партийных органов». Конечно, на этих записках лежит печать времени, но для тех лет рассуждения Фадеева были достаточно смелыми.

«Центр внимания самих деятелей искусства и всего народа бюрократически переносится с творческой деятельности, как главного долга писателей и работников искусства, на организационную работу и административную сутену вокруг искусства».

«Статьи (речь идет о статьях «Правды» и некоторых других центральных газет с разносторонней критикой книг К. Чуковского, В. Катаева, В. Гроссмана, К. Симонова и др. — Н. Д.) были написаны ислейно, зачастую незрелыми руками, иногда некачественными, неважными, слабыми и грубыми руками. Эти статьи при общем правильном направлении пестрели передержками и существенными ошибками, непониманием многих важнейших сторон затрагиваемого вопроса. Однако они носили столь непреложный директивный характер, что ничего уже нельзя было делать, как только присоединяться и клясться в первую очередь».

«У нас слишком много запрещается или разрешается, восхваляется или осуждается киноартисты, спектакли, пьес, сценариев, романов, стихов без коллективного мнения передовых деятелей кино и театра — одним указанием сверху со стороны партийных органов или бывших министерств, теперь управ-

лений Министерства культуры, или руководителей творческих союзов. Мы больше командуем, чем воспитываем, больше приказываем, чем объясняем...»

К запискам Фадеева в ЦК КПСС по своему содержанию примыкает его письмо в МК и МКГ КПСС, написанное в конце сентября, в котором он обвинял руководство Союза писателей (а в его отсутствие союзом руководили Сурков и Симонов, но там уже складывалась группа Софронова — Грибачева) в том, что оно дало «волю сектантским элементам среди писателей-коммунистов, применяющих в работе Союза методы командования и администрирования и — во многих случаях — заштатского отношения к лучшим творческим кадрам».

Записки Фадеева отразили начавшийся уже накануне XX съезда КПСС поворот интеллигенции к критическому переосмыслению действительности. И хотя Фадеев продолжал верить в незыблемость права ЦК КПСС руководить всеми сферами жизни страны, его критика вскрывала порочность этой практики хотя бы только в сравнительно узкой области литературы и искусства.

Но Фадеев не только критиковал. Он выдвинул целый ряд идей, осуществление которых, по его мнению, могло бы способствовать преодолению бюрократической системы. Годы спустя жизнь подтвердила его правоту. Как же реагировали в ЦК КПСС (известно, что их прочитал Хрущев) на записки Фадеева?

«Отдел науки и культуры ЦК КПСС считает неверной общую пессимистическую оценку, которую дает советскому искусству и литературе т. Фадеев. Такой взгляд можно объяснить лишь продолжительной оторванностью т. Фадеева от жизни творческих организаций и его болезненным состоянием». Так появляется в партийном документе формулировка, меняющая местами причину и следствие, которая перекошет в официальном некрологе. А если так, то все предложения Фадеева можно было отменить. Цитирую заключение отдела науки и культуры ЦК: «...Нецелесообразно принимать предложение т. Фадеева о создании нового творческого союза работников кино по типу существующего Союза писателей и других творческих организаций. Нет необходимости также преобразовывать Всесоюзное театральное общество во Всесоюзное театральное общество и приравнять его к творческим организациям типа Союза писателей и Союза композиторов... Отдел не поддерживает также предложение т. Фадеева о создании единого творческого союза композиторов и музыкантов...» Руководители отдела науки и культуры более всего опасались, что предложения Фадеева могут «свести на нет государственный контроль» за деятельностью учреждений искусства.

Заключение отдела науки и культуры ЦК КПСС было написано в самом конце декабря. За это время Фадеев не был принят ни Хрущевым, ни Маленковым. Но в октябре 1953 года он имел возможность убедиться в отношении к нему ЦК. На XIV пленуме правления Союза писателей Фадеев должен был выступить с докладом, в котором намеревался высказать некоторые идеи своих записок. Незадолго до открытия пленума вступительная речь Фадеева обсуждалась на партгруппе секретариата и была жестоко раскритикована. Как сказано в адресованном Суслову отчете о соб-

рании, «большой спор возник по вопросу реабилитации писателей (речь шла о В. Гроссмани, В. Каверине, В. Катаеве, Э. Казакевиче. — Н. Д.), допустивших ранее ошибки...»

Критика речи Фадеева не ограничилась выступлениями на партгруппе. На приеме в отделе науки и культуры ЦК побывали Софронов и Грибачев. Цитирую тот же отчет: «Гов. Софронов выразил недовольство, что его «отстраняют» от работы в ССП, он заявил, что... тенденциозная защита А. Фадеевым группы раскритикованных ранее писателей одной национальности вызовет решительные возражения другой группы писателей, к которой он относит т. т. Панферова, Первенцева, Бубеннова, Ромашова, Гончара, Бровка и др. Т. Грибачев считает, что если т. Фадеев в своем вступительном слове возьмет под защиту группу раскритикованных за идейные ошибки писателей одной национальности, то это может дезориентировать писателей и быть воспринято как указание ЦК о прекращении борьбы за высокую идейность литературы».

Судьба вступительного слова Фадеева была решена. В том же отчете Суслову руководители отдела науки и культуры писали, что даже «при тех исправлениях, о которых договорились на партгруппе, вступительное слово т. Фадеева не будет удовлетворительным», так как «в тексте нет литературно-политической цели». Фадеев отказался от вступительного слова.

Хорошо отлаженная машина партийного руководства ломала и сметала каждого, кто осмеливался ей противостать. Правда, против Фадеева не было принято никаких репрессивных мер, но фактически он до конца жизни был отстранен от работы в Союзе писателей, хотя и был избран на пленуме его председателем.

Сам Фадеев только за девять дней до самоубийства рассказал об этой истории Ермилову:

«...Еще задолго до съезда писателей я хотел сильно выправить положение в Союзе Писателей». Однако партгруппа при поддержке Суркова встала против и в ЦК тоже высказались против моего вступительного слова, обязав выступить только в прениях и пойти на компромисс в смысле формулировок. Дело уже шло на явное отстранение меня как председателя, — все «указания» мне передавались через Суркова и фантаски я видел, что не поют в лучших своих стремлениях и что относятся ко мне, как к нервнобольному или неуравновешенному и напуганному человеку...»

В 1954 ГОДУ после двадцатилетнего перерыва состоялся второй съезд писателей, на котором Фадеев был как бы рядовым делегатом. Вновь обратимся к его письму Ермилову:

«Пред съездом и во время съезда писателей нас несколько раз вызывали с партийными членами секретариата, которые перед лицом т. т. Суслова и Попелова всячески дискредитировали и осуждали меня — при поддержке со стороны секретарей ЦК. Меня старались защищать — не в смысле позиции моей, а лично, так сказать, — один лишь Поликарпов. На этих встречах сказали, что никаких председателей не будет, что первым секретарем будет Сурков... Меня фактически не поняли, изнасиловали в смысле вхождения в новое руководство и связали дисциплиной».

А чуть позже, когда из лагерей стали возвращаться писатели, поползли слухи о причастности Фадеева к репрессиям 30-х годов, хотя никто ничего толком не знал, как, очевидно, многие не знали, сколько в 1955—1956 годах написал Фадеев ходатайств о реабилитации писателей, друзей-дальневосточников, как живо откликнулся на письма по этим вопросам своих избирателей. Эти письма надолго были закрыты в архивах. С Преображенском удалось опубликовать лишь немногие из них.

Вокруг Фадеева сгустилась атмосфера недоброжелательства. В эти последние годы жизни он оказался в одиночестве. И не потому ли в предсмертном письме Фадеева, еще недавно сильного и жизнелюбивого человека, есть такие строки: «Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухажу из этой жизни».

Ложь и клевета не шадят и мертвого Фадеева. Остались непрочитанными строки его письма: «Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погубили, благодаря преступному популительству власти имущих...» Мог ли Фадеев перед лицом смерти, «подводя итог жизни своей», солгать, не признаваясь, что сам, как утверждает теперь, «отдавал писателей на погибель»? Мог ли в таком случае не покаяться, как он всенародно покаяться в том, что был несправедлив к В. Гроссману?

XX съезд был воспринят Фадеевым неоднозначно. Он верил в идеи социализма и коммунизма, верил в Ленина и партию — давно ли мы сами избавились от этой веры? Он понял необходимость разоблачения культа личности Сталина. Но он усомнился в способности нового партийного руко-

водства по-новому руководить страной. Он не видел перемен в самой близкой для него сфере жизни — в литературе и искусстве. Открыто выступить против ЦК партии, в которой состоял всю свою сознательную жизнь, Фадеев не мог опять-таки в силу партийного долга. Сообщая Ермилову о событиях 1953—1954 годов, о своих записках в ЦК, Фадеев писал:

«...ни о чем этом я никому решительно не имел права (курсив мой. — Н. Д.) сказать. Да и не хотел, собственно, говорить, ибо не хотел становиться в тех условиях полным или невольным «вожак» есических обывателей — фрондеров — особенно в дни съезда писателей».

Но жить двойной жизнью Фадеев уже не мог. И все же свое последнее письмо он адресовал не родным, не друзьям, но в ЦК КПСС. Он должен был «дурнаться» — за свою сломанную писательскую судьбу и за судьбу литературы. Это предсмертное письмо — продолжение, точнее, завершение серии его писем в ЦК, последнее слово в затянувшемся споре и купленная ценой жизни возможность сказать прямо всю правду.

В письме о деятелях ЦК он говорит: «Самодовольство нувришей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа — Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды». Очевидно, в последние часы своей жизни Фадеев надеялся, что его письмо все же дойдет до друзей, до «товарищей-потомков» — и он будет понят. Письмо, долгие годы пролежавшее в партийном архиве, недавно было опубликовано. Но понял ли Фадеев?

Удар, нанесенный Фадеевым, был сильным. А мечь его оказалась мелкой и злобой. «Был ли еще такой случай в истории, чтоб официальное сообщение провозгласило: причина смерти достойного человека — пьянство?» — спрашивал Тендряков. Из опубликованных документов теперь известно, что 14 мая 1956 года, то есть на следующий день после самоубийства Фадеева, на заседании президиума ЦК КПСС Суслову и Шепилову было поручено «отредактировать и опубликовать в печати извещение от ЦК КПСС о смерти Фадеева А. А., некролог». Так что В. Герасимова ошиблась, когда писала: «Посмертно, публично маршалу Сашу объявление о его смерти было состряпано не в этих, самых верхних, инстанциях». Оказывается, именно в «самых верхних инстанциях».

Пройдет немного времени, и состоится печально памятные встречи секретарей ЦК с деятелями литературы и искусства, а потом станет нормой объявлять психически больными едва ли не всех инакомыслящих.

Фадеев предпочел добровольно уйти из жизни. В трагической истории нашего общества его судьба — одна из горьких и не до конца проясненных и понятых страниц.

Нина ДИКУШИНА

15